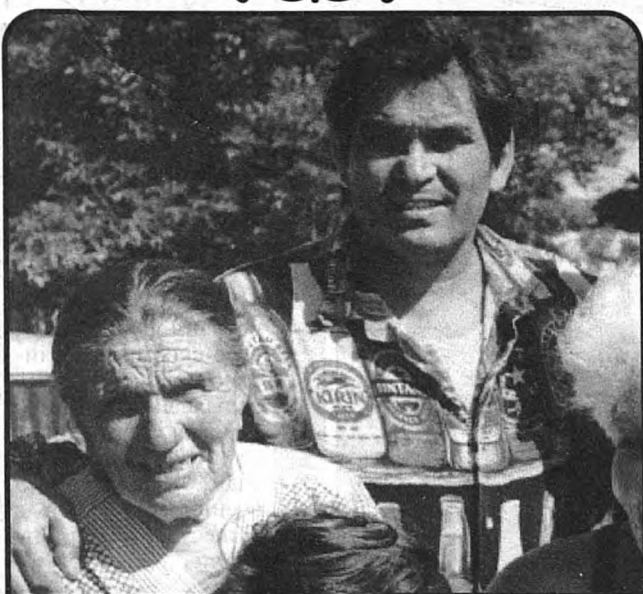

Бари Алибасов: НАДО БЫЛО — И ТЕЛЕНКА ПАС...

«Мама сейчас пишет обо мне книгу»

«Она другому отдана — я еще слишком юн». Бари Алибасов (слева) свидетель на свадьбе

На «гастролях» в соседнем колхозе

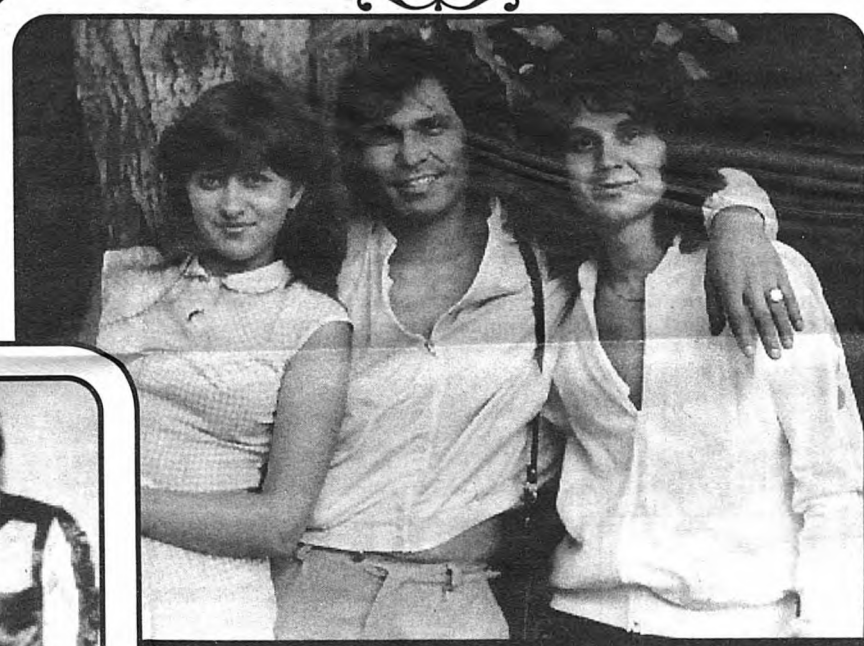
Нас было пятеро детей в семье — Зоя, Роза, Булат, Газиз и я — Бари. Родился я четвертым ребенком, в то время как в нашем маленьком пристанционном поселке под Семипалатинском отсажали огороды. Мама рассказывала, что на свет я появился на рассвете, весь в темном пушку, что тут же было принято за хороший знак судьбы. Мой отец Карим Касымович, потомок богатых баев, бежавших после революции в Китай, работал управляющим банком в Чарске, а мама Ираида Ибрагимовна, родом из семьи сибирского коммуниста, была бухгалтершей в детском саду и по совместительству подрабатывала в паровозном депо. Родители работали по 18 часов в сутки, и я их видел редко. По вечерам, бывало, слышишь «дзынь-дзынь» — это мама корову начала доить. А мы, ребяты, высыпали в огород на поливку. Старшему брату и сестрам не терпелось бежать на танцы в клуб, но пока огурцы и помидоры не будут политы, об этом и речи быть не могло. Бывало, Булату становилось особенно невтерпещ и он готов был слиться до конца поливки. Только сестры, заподозрив побег, быстро это дело пресекали: замачивали в бочке с водой его единственные брюки. Других штанов по той поре у Булата не было, и вечер оставался без развлечений. Мне тоже хотелось побегать, поиграть в прятки, в футбол, но понятие «хозяйство» было магическим. В 6 утра я вставал и кормил животных, а потом гнал коров на пастбище. А то еще и теленка приходилось припасывать, и картошку полоть. Как же я ненавижу всю эту работу с тех пор! Даже домашних животных никаких не завожу! И все-таки самое прекрасное воспоминание моего детства — запах

родного дома. В нашем поселке крыши и полы домов делали из глины особого состава. И «производством» ее занимались мы, мальчишки. Утром бежали на окраину, где собиралось стадо, и начинали охоту за коровьими лепешками. Помню, чуть только корова задрала хвост, я кричу: «Чур, это мое!» Наберешь полное ведро, смешаешь с глиной, мелко порубленным сеном, и этой массой мама потом полы обмазывала. И так — каждую субботу.

Еще в 4 года мама надела на меня атласные шаровары, бархатную жилетку и велела спеть татарскую песенку и станцевать цыганский танец. С той поры во мне что-то «проклюнулось», и потом, в школе, жизни себе не мог представить без сцены. Пел в хоре, в школьном театре поставил спектакль по Чехову «Сельский эскулап» и сыграл там главную роль. А в самодеятельности кем только не был — и барабанщиком, и конферансье, и осветителем, и солистом... Помню, однажды пел со школьным ансамблем песню «Селена» — зна-

мать учила. Заставляла залезать в такие уголки, куда ни муха, ни комар не проскочат. Приходилось отодвигать шифоньер и в узкую щель пропихивать ножом тряпку. К порядку и чистоте в доме маме удалось меня приучить.

Но вот из школы за плохое поведение меня не раз исключали, хотя, правда, брали опять — учились-то на самом деле неплохо. Только подрасть любил и повертеться, за что и бывал бит указкой по рукам. А с соседом по парте была у нас одна любимая шалость: впереди нас сидела девочка-отличница с длинными косичками и все время тянула руку, подсакивая на месте. Так мы ее косички кнопками к столу прикрепляли, косички натягивались и не давали ей встать для ответа. А вообще-то к прекрасному полу я и тогда был неравнодушен. Даже с учительницей у меня страстный и бурный роман был. Позже, уже в

Девчонок десятками обхаживал

«Какие мы были крутые, однако...» (Алибасов во втором ряду второй справа)

менитый такой твист со словами «Луна на небе — аа!..» — и применил «новацию»: рукой показывал на небо, дескать, селена — там, так все земляки от шоу чуть не попадали. А в проигрышах танцевал что-то вроде твиста. Это тогда, когда о телевизорах у нас даже не слышали. Кульминацией моих сценических экспериментов стала организация своего школьного ансамбля и триумфальные гастроли по близлежащим колхозам. В этом году мне уже полтинник стукнул, наш поселок давно разросся до города Чарска, а моей маме исполнилось 80 лет. Часто вспоминаю, как она полы меня

юности, я бредил итальянской кинозвездой Стефанией Сандрелли, моим женским идеалом. А идеал жены как в детстве во мне сформировался, так и остался нетронутым: она должна быть домохозяйкой, «рабыней».

Праздники врезались в память треснутой патефонной пластинкой и частушками под гармошку. После шумного веселья — гора посуды и всеобщий разгром, который нам с мамой доставалось расхлебывать. Воду приходилось кипятить на печи, посуду мыть в огромном тазу. Пока все перемоешь...

Записала
Ольга ЧЕРНЕНКО.